

ЯН РАТАПС

ШПИРТ

Ян Ратапс

Шпирт

«Издательские решения»

Ратапс Я.

Шпирт / Я. Ратапс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854196-4

Лето. Море. Сердце солнечной Греции превращается в воронку из кутежей, коктейлей и музыки до утра. На Крите все молоды и безрассудны. Что делать, если ты встретил кого-то, кого, кажется, знаешь всю жизнь? Ведь совсем скоро нужно возвращаться домой...

ISBN 978-5-44-854196-4

© Ратапс Я.
© Издательские решения

Содержание

1. Вторая ночь	6
2. Гелиотроп	10
3. Солнечный зайчик	15
4. Обрато домой	20
5. Его секрет	25
6. Друзья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Шпирт

Ян Ратапс

© Ян Ратапс, 2017

ISBN 978-5-4485-4196-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Вторая ночь

Мы пришли на место встречи с опозданием, после девяти. На пляже было темно, но продольная улица, напротив, горела ресторанными лампами. Все побережье Сталиса заполняли десятки пустых шезлонгов.

– Иди, посмотри в будке, – сказала я.

Моя троюродная сестра прошла по дощечкам, выложенным на песке, и перегнулась через перила Скайдрайва.

– Никого.

Я опустилась на один из лежаков. Под тяжестью веса он покосился на один край. Катерина засмеялась и встала рядом.

«Ничего, скоро придут, – думала я. – Конечно же, куда денутся. Но вообще, глупо получилось, что мы вот так раньше них здесь. А ведь специально прогулялись по улице туда-сюда и даже зашли в один ресторан – поглядеться в зеркало. Виктор, тот низенький официант, который клеил нас днем на пляже, подумал, что мы к нему. Так обрадовался. Чуть поднос на ходу не выронил. А мы похихикали, сделали все свои дела и вышли через черный ход. Катерина заметила, что так можно выбираться из ресторана, не заплатив ни цента – отойти в туалет, а дальше на задворки. На курортах все слишком расслабленные».

– Сколько прошло?

– Уже полчаса. Прибью придурков!

– А у нас есть их номер?

– У меня есть один. Давай, кинем смску?..

«Ну и дела. Сижу, жду непонятно чего. Все платье в песке. Но цвет все-таки был красивый – яркий, малиновый. Глупость какая. Сидеть и ждать сорок минут, глядя на волны. Хотя море я очень люблю. Но ночью же оно страшное. Вот на закате – самое то. Например, позавчера мы с сестрой молчали около получаса – смотрели, как солнце созревает, а загорелые дети бегали мимо и чертили сердечки на тающем в прибое песке. И там была девочка с олеандром в волосах... А сам вчера спрашивал „Придешь?“, и вид у него был такой растерянный. Как в астрале. Сама виновата – сказала, что не уверена. Вот уж не ожидала, что он даже проверять не станет».

– Переведи, что ответили? Знаки восклицательные, – Катерина протянула мне телефон.

– Через десять минут будут. Велели не двигаться с места.

– Динамщики хреновы. Они вообще не собирались приходить?

На тротуаре, под фонарем, появилось двое молодых людей в белых футболках. Мне тогда казалось, что они совершенно одинаковые. Подтянутые блондины с прическами а-ля Бекхэм и загорелой кожей. Запыхались чуток.

Мы подошли к фонарю, неторопливо, и Катерина улыбнулась Алексу – ее спутнику. Второй юноша, чуть пониже ростом, выглядел очень живо. Его мышцы будто никогда не застывали, вечно ерзали. Он протянул мне руку, а другую в успокаивающем жесте приложил к своей груди.

– Я его младший брат, не пугайся, пожалуйста.

«Господи, какие же у него белые зубы. Как в рекламе. Вчера я на это не обратила внимания. Хотя мы и перекинулись-то всего парой фраз».

– Очень приятно, – я пожала его ладонь, – а где Дори?

Не ответив, он выкрикнул в воздух что-то на своем языке, огорченно махнул рукой, и рванул в соседний бар. Резко конечно, но уморительно.

Старший наскорю извинился и побежал за ним. «Подожди!».

– Что это значит? – спросила я, после того, как мы с Катериной отхихикались. Почему он пришел с братом?

– Ну... Вчера, когда мы разошлись в разные стороны, Алекс стал шутить о том, что вы там с Дори наверняка в данную минуту делаете. А я сказала «No! No!», и что тебе больше понравился тот, другой. А он говорит: «Это мой брат». Вот он его и привел теперь.

Мне стало ужасно неловко. Получается, Дори из-за этого не показался. А мои мысли весь день путались, даже когда мы шатались по рынку, и покупали масло в жестяных банках. И теперь этот, глянцевоый, тоже знает, что я посчитала его симпатичным. Стыд какой.

Алекс вернулся. Оказалось, что у них в Бичкомбере была назначена встреча с боссом Скайдрайва. Он каждую неделю приглашал своих пляжных мальчиков пропустить по стакану. Мне думалось, что это такой тимбилдинг, но все оказалось гораздо проще – у босса не было друзей.

Катерина общалась со своим кавалером практически жестами, я переводила мелочи, но в целом, старалась не всовываться. Он ей сразу понравился – мощный, мужественный. Даже не верилось, что ему всего двадцать один.

Мы околачивались около будки Скайдрайва, когда, среди леса сложенных пляжных зонтов, показался Дори. «И как он это делает, будто из ниоткуда», – задумалась я.

Темные волосы вздыблены – гель. Здесь все парни им пользовались. Воротник черного поло был поднят стоечкой. Он поздоровался, но глаза продолжали бегать. А улыбка спокойная.

«Скромный он какой. Не то, что шальные британцы из местных клубов. Один заломил мне руки, когда танцевали, и давай слюнявить. Боже, я еле вырвалась, пришлось в туалете рот промывать. Чернокожий парень, что продавал у раковины парфюм, смотрел на меня. Плевать. Уверена, что ему еженощно приходится лицезреть то, чего я и представлять не хочу».

– Привет. Мы ждали около часа, – мой рот невольно тянулся дугой.

– Я решил, что ты не придешь. Шел в бар, встретиться с боссом, и увидел вас тут.

– Я о тебе думала сегодня, – сказала я, но все-таки добавила: – немножко, совсем чуть-чуть.

– А я о тебе тоже думал, – он заулыбался, выдохнул, – много. Как вы провели день в Ираклионе?

– Мы заблудились. Пошли к центру через улочки и жилые дома. Да и посмотреть там не на что... Ты был прав. Не очень, в общем. Только закупились всякими сувенирами.

Дори засмеялся. Мне показалось, он стал гораздо выше, чем сутки назад. Смотрелось здорово.

– Я же говорил, что это место дерьмо. Скука смертная, не знаю, зачем вы там день потратили.

Мы отправились в бар, оставив Катерину с Алексом наедине. За стойкой Бичкомбера сидел их толстый Босс и тот, младший брат, что махнул на меня рукой. Пьяненький, неугомонный какой-то. За минуту успел опрокинуть стакан, повыкрикивать отрывки из песни, схватить Дори и подергаться с ним под латинскую песню. А тот и рад, – смеялись как дети.

Босс заказал мне напиток, я вежливо отказалась, но мне дали понять, что лучше просто принять, и не выделываться. Все столики были заняты, и мы сели в центре. Дори стал показывать мне свои родинки на лице – почти симметричные. Обе недалеко от внешних уголков глаз. Его это забавляло. Я попыталась показать свою черную прядь, единственную, среди коричневых волос. «Видишь, видишь? Нет, без зеркала ее очень трудно найти». Только прическу себе испортила.

Мы улыбались, я перевернула свою соломинку гнущимся концом вниз. Джин-лемон он пил очень медленно – пол стакана льда.

«Сколько же нужно выпить, чтобы повеселело? А русские все равно умудряются надираться. Недавно видели парочку мужчин за тридцать, с десятками стаканов у лежаков. При-

глашали нас присоединиться. А когда мы отказались, нашли другую парочку русских девушек. Девушки были симпатичные, пьяненькие, как и они».

Спустя полчаса мы пошли прогуляться по пляжу. Я знала, что это регламентированный способ остаться наедине, но мне было радостно лишний раз насладиться критской ночью.

Младший братец Алекса был навеселе и хотел присоединиться к нам. Дори лишь выкрикнул, чтобы он не совался в будку Скайдрайва, потому что там Алекс, и демонстративно поцеловал меня, – победоносно, с наклоном. «Я иду гулять со своей красивой девушкой, лузер!». Тот чрезвычайно смешливо огорчился, и словно назло побежал к будке. Мы хохотали, по-доброму. Я ощущала себя настоящим «молодым взрослым».

«Вот она, моя свобода. Иду по пляжу с загорелым веселым парнем, и малиновый шифон платья повторяет за ним: „красивая девушка“».

Мы отошли от фонарей настолько, что невозможно было предугадать ужасно колючую траву под ногами. Дори стал меня обнимать. Мне показалось, что темнота шевелится.

– Постой, – сказала я.

В полуметре от нас, на шезлонге, уединились две девушки. Я рванула вперед, и мы опять засмеялись. Парочек здесь было пруд пруди, того и гляди напорешься.

Поцелуи почему-то не надоедали. Я понимала, что ему будет мало. Вчера мой кавалер дал понять, что приезжие девушки им редко отказывают. И какая разница, ждет ли их дома парень. Я была уверена, что от меня он уйдет ни с чем, кроме невыносимого напряжения. Но, к своему удивлению, мне хотелось впечатлить его, показать, что я и правда достойна мужского внимания. Я склонилась, сидя на его бедрах, и распущенные волосы защекотали смуглое лицо.

«Почему я это делаю? Почему мы вот так, близко». Я не позволяла ничего подобного тем, кого знала годы.

Его дискомфорт достигал предела, хотя ни один элемент одежды не был потревожен. Заслуга эта скорее принадлежала его гормонам, нежели моим поцелуям.

Перед глазами, совсем не вовремя, очнулись воспоминания – я получаю на выпускном медаль, мой классный руководитель очень доволен и говорит, что именно я заслужила честь поднести букет директору школы. Боже, заслужила-таки за десять лет. Вот я – кандидат в президенты факультета. Мои друзья, одетые в символику с моим именем, поют песню о том, какая я молодец. Вранье, конечно, но они наверняка, и правда, верят в то, что делают. Вот мой старший брат, ведет меня за руку в кино и говорит на равных, словно я могу обсуждать что-то с таким безупречно умным человеком, как он. Они все думали обо мне вот так.

«Там ходят люди. Чуть выше, среди сувенирных лавок. Немного поодаль, в баре, сидят другие. А я? Лишь для того, чтобы ощутить себя живее. Я ведь и фамилии-то его не знаю».

Из глаз потекли слезы. Как в детстве, – неостанавливаемо. Налились, словно яблоки на ветке, дрожали секундочку, и, вниз. Он почувствовал на своих скулах капли.

– Что происходит?

Мое тело трясло, я сама не ожидала, насколько бесконтрольным оно может быть. Я попыталась унять себя, но истерика лишь усилилась. Дори уложил меня на шезлонг, сбоку от себя. Не на шутку я его испугала.

– Что, что такое, я сделал что-то не так?

– Все так, просто я перевозбуждена. Коленки трясутся, видишь?

Он потрогал коленки – и правда, девять баллов по Рихтеру.

– Как я могу помочь?

– Никак. Подожди.

Я смотрела на звездное небо Крита, а перед нами шумели волны. Теплые, темные. Впервые я поняла, какое здесь небо. Как счастливы, наверное, те, кто видит его каждую ночь. Где-то справа за горизонтом должна быть Россия.

«Я боковой линией чувствую, что она там, хотя и не хочу думать о ней сейчас. Мне так хорошо, потому что меня обнимают. Будто он всегда вот так меня обнимал. Всю вечность, что существовала до этого».

Сколько бы я не пыталась отрезвить себя тем, что все вокруг иллюзия десяти дней, хуже не становилось.

Его мышцы задергались – оказалось, уснул. Так скоро, за несколько минут. С незнакомой девушкой в руках.

2. Гелиотроп

На следующий день у нас с Катериной появилась приятная идея. Мы зашли в одно из прибрежных кафе и заказали два греческих гироса¹ на вынос. Подписав вощенные обертки милыми записками на английском, мы отправились в сторону Скайдрайва. Я несла в руках арбуз, который было решено преподнести Большому Боссу и детишкам, что ежедневно дурачились около их пляжной будки-офиса. Августовское солнце лилось на наши темноволосые головы, и около каждой забегаловки зазывалы в белых рубашках рассыпались бисером комплиментов.

Когда мы подошли, Дори как раз собирался отправиться на лодку с новыми посетителями. Полет на парашюте, судя по всему, был самым востребованным развлечением пляжа, и ему приходилось тратить в море больше времени, чем остальным. Хотя и работа у него была не столь изматывающая, как у Алекса и младшего брата (мы прозвали его Мелким). Тем приходилось весь день таскать тяжелые гидроциклы по волнам, помогать клиентам, и держать марку, подвозя взволнованных девушек до парашютного катера. Надо признать, юные особы обеспечивали Скайдрайв значительной долей выручки. Хитрый ход со стороны хозяина.

Я опять заметила долю смущения в его взгляде. Каждый раз, как мы виделись заново, мне чудилось, что мои босые ноги тонут в песке, и я становлюсь ниже Дори сантиметров на сорок. Уже спустя три дня знакомства с пляжными мальчиками я и Катерина чувствовали себя у этой будки как завсегдатаи. В какой-то мере это было правдой, и думаю, Босс догадывался, сколько поцелуев было сорвано под покровом ночи, и скайдрайвовского брезента.

– Тут для вас с Алексом сюрприз.

– Да? Спасибо. Я увижу тебя сегодня вечером?

– Конечно.

– В то же время?

– Да. Мы постараемся не опаздывать как вы.

– Я так хочу тебя поцеловать.

– Я знаю.

– Как жалко, что мне надо идти. Я буду следить за твоим зеленым сарафаном с моря.

– А я за твоими голубыми шортами. Кстати, у тебя нос обгорел.

– А, это. Каждый год одна и та же история. Он слишком большой.

– У меня самой такой же, а твой мне нравится.

Мы понимали друг друга почти лишь мимикой, отсветом в каемке глаз. Словно уже не первый год я смотрела, как он сушил полотенцем свою черную голову и улыбался, оголяя концы клыков.

– Ну, мы пошли, полежим на шезлонгах?

– Ага, до скорого.

Будто ловец бабочек, я и правда искала взглядом лишь голубое пятнышко на горизонте. Огромный синий парашют с желтыми звездами становился миниатюрой. Люди у зонтиков, заснув, скоро чернели. И без того смуглое тело Катерины сверкало в полуденных лучах. Я была вынуждена прятать обожженную кожу в тени. Дори помахал мне рукой. «Будешь дальше тянуть – будут проблемы с психикой». Позавчера он так сказал. Ну почти так.

– Простите, может быть, вы подскажете? – обратились ко мне по-русски.

Я дернулась. Со мной говорила семейная пара среднего возраста.

– Да, конечно?

¹ Блюдо из толстой лепешки, мяса и овощей.

– Мы слышали, как вы с подругой говорили на русском... вон там, у офиса водных развлечений. Вы наверняка должны знать – куда здесь пойти погулять парню шестнадцати лет? У нас сын, один скучает. Может, какие-то дискотеки?..

– Если дискотеки – то ему в Малию. Это в пятнадцати минутах пешком отсюда. Пускай идет вечером по дороге, которой идет вся молодежь, а там по звуку уж точно не потеряется.

Они были очень рады услышать такой совет. Довольная собой, я повернулась к засыпающей Катерине.

– О чем они спрашивали?

– Куда пойти погулять их сыну, парню шестнадцать. Я сказала в Малию. Неплохо было бы сейчас чего-нибудь холодного выпить, да?

Моя сестра резко приподнялась на локтях.

– Ты что наделала! Он же там пропадет в одиночку, – она умела возмущаться, забавно выгибая короткие гладкие губы. Такой кривенькой, обалдевшей ухмылкой.

– Думаешь?.. – я растерянно смотрела в ее глаза. Она взорвалась хохотом. Боже, и правда. Мальчишка запомнит эти каникулы.

На северном побережье Крита было одно местечко, улица, где царил дух однодневной свободы, алкогольных танцев и безграничного, но бессмысленного физического общения. Только оказавшись на Крите, мы не знали, куда идти. Но нащупать дорогу труда не составило. Наша комната в очаровательной полупустой «Армонии» оказалась ровно посередине между Сталидой и Малией. Кучки бодрствующей молодежи сводили старших туристов с ума, выкрикивая: «So wake me up when it's all over, when I'm wiser and I'm older».²

Улица снаружи не переставала гудеть – в прямом смысле. Десятки квадрациклов, с обезумевшими от критского солнца британцами за рулем, сигналили каждый раз, как на тротуаре появлялась пара загорелых девчачьих ног.

Около одиннадцати вечера, когда все прибрежные заведения уходили на покой, по спящим улицам шагали кучки ярких, вызывающе раздетых девушек из Европы. Некоторые смеялись хрипло и на-французском, некоторые – на иврите. Но чаще всего попадались нескромные, в силу юности, англичанки. Натурщицы для полотен Матисса.

Они были очень доверчивые и шумные, и принимали как данность все, что могли оплатить. Помню, в баре, где мы впоследствии проводили каждую ночь, я обратила внимание на хрупкую девушку-англичанку, лет семнадцати. Перебравшей разбавленных коктейлей, ей не хватало сил, чтобы двинуться с места. «Где подруги?» – кричала я ей на ухо. Клубная Малия стала гимном тестостерону, и оставлять без присмотра девчонку в отключке было боязно. В ответ, она выставила указательный палец, и снова уткнулась лбом в столик. Двое ее подружек расслабленно крутились на танцевальных шестах.

Цикады почти успокоились, когда мы были на финишной прямой. Я сушила волосы расческой, Катерина примеряла один за другим наряды. Я отмечала, что даже простые летние вещи смотрелись на ее гибких линиях элегантно. Каждые пять-десять минут мы выпивали по стопке персикового шнапса, который давал лишь сладость на языке. В дверь постучали, меня пробила веселая дрожь, какая бывает перед началом праздника.

– Не открывай, пока я не оделась до конца! – просила я Катерину.

Стук удвоился, и она не сдержалась.

– Я только приоткрою чуть-чуть, посмотрю, они ли это.

– Конечно они! – я наощупь искала сандалии под простой деревянной кроватью.

В дверном проеме блестели две пары глаз. Словно напуганные звери, наши кавалеры разглядывали женскую комнату.

² «Разбуди меня, когда все пройдет. Когда я буду мудрее и старше», – строки из песни «Wake me up» шведского диджея Avicii.

– Выходите уже!

– Минуту! – в воздух бросился запах цитрусовых. Это подаренный Катериною аромат испарялся от моей кожи грейпфрутовым шлейфом.

Мы вышли в темный коридор. Было очевидно, что Дори сходит с ума.

– Пойдешь со мной? – он схватил меня за запястье, однако мне было лестно его нетерпение.

– Куда?

– Посмотреть на мою комнату.

Увидев сомнения, он добавил:

– Оставим их вдвоем, – и кивнул на Алекса с Катериной.

Когда он тянул мою руку в конец узкого прохода, Катерина поймала ключи от номера, и крикнула «Удачи!». В моей сумочке лежало обезболивающее.

Солнце только садилось. У ворот отеля нас ждал красный мотоцикл. Местных отличало то, что они никогда не ездили на квадрациклах.

– Это твой?

– Конечно мой, – он гордился собою, – садись.

Я забралась на кожаное сидение, оттягивая задрвшуюся джинсовую юбку вниз. Он сказал, что будет гораздо удобнее держать его за туловище, а не за плечи. Стандартный прием.

Расслабившись, я доверилась встречному ветру. Горы укрывали меня от страха. Чернокожие девушки на обочине хлопали руками, махали ладонями, когда я выгнула шею и свесила длинные мягкие волосы. Здесь все были молоды, и, потому, едины.

Дори выкручивал себе голову. Я знала, что это опасно, но на встречной было только чувство спасения. И зачем я так долго укладывала концы, все равно все насмарку.

Ритм толпы оставался за спинами. Он упивался мной, словно знал, кто я такая.

– Небо темнеет, смотри, там уже звезды, а здесь еще нет.

– Да, безупречно.

Наш мотоцикл въехал по крутому склону к замысловатому зданию, ползущему по горе. Это была гостиница Гелиотроп, ставшая комфортабельным пристанищем для приезжих работников побережья. Дори ночевал на шестом этаже, и мы вскарабкались по узким пролетам с расставленными по краям амфорами.

– Ну как, тебе нравится?

В комнате теплых чайных тонов места было более чем достаточно; из распахнутого окна открывался вид на залив целиком. В темных массивах гор, по спирали, стремительно двигались светлячки фар.

– Тут, должно быть, неплохо живется. Только далеко ото всех.

Дори вспомнил что-то и засмеялся, на расстоянии сантиметра от моего лица:

– Я сегодня удивился, когда открыл ваш пакет, нас еще никто не кормил до этого.

– Мы заметили, что вы вечно что-то жуете. При такой работе, наверное, много энергии уходит.

– Ага, мы часто голодные, точим все, что, под руку попадет.

Плечи краснели болезненным жаром, я попросила что-нибудь выпить.

– Вот – местное розовое вино, с кислинкой. Прямо как ты.

– А забавно сегодня Алекс отбрил Виктора, официанта. Бедняжка!

– Нам обоим не понравилось, как этот слизняк к вам подкатывал.

– Чем же Алекс его запугал? Так смешно было, когда он выпрыгнул со Скайрайда. Словно Джеймс Бонд.

«Зачем? Зачем ты снимаешь с меня, я думала, мы только посмотреть комнату. Да, тебе ведь она понравилась? Ну, вид с террасы неплохой»

– Он сказал ему пойти, и убиться. И больше не смотреть в вашу сторону.

«Какое сегодня число? Надо запомнить, пожалуй. „Греческая рабыня“ – сандалии и румянец. Глупо и смешно, как долго я подбирала одежду».

В дверь постучали, – нечаянно, его сосед пришел принять душ, прежде чем пойти на другую работу. Я, непойманый преступник, поздоровалась, и вышла подышать горным запахом. Грациозно набросила жакет, не придраться, конечно. На террасе Дори стал мять табак.

– Не волнуйся, он скоро уйдет.

– А я и не волнуюсь.

– Ой! Придурок! – закричали с балкона ниже.

Дори засмеялся и перекинулся через ограду:

– Как дела, гребаный румынец?!

– Херово, а у тебя?

– Не жалуюсь!

Спустя пару минут крикун перебрался к нам. Они оба вскарабкались на выступ крыши, а я облокотилась о белый камень перил.

– Это Захо. Он тоже тут работает, но он не из Греции.

Молодой, безвозвратно загорелый мужчина пожал мне руку.

– Я уже поняла. Почему вы так грубо?

– Мы со всеми так. Ну, знаешь, он зовет меня гребаным албанцем, я его – гребаным румынцем. Мы не особо любим чужие страны. Вот и Грецию терпеть не можем.

За их спинами косилось теплое, доброе море. Я почти поперхнулась.

– Терпеть не можете? Это еще почему?

– Потому что нам приходится здесь работать, а платят мало, – Захо заговорил с забавным румынским акцентом. – В итоге мы живем вдали от дома, но все равно не так, как хотели бы.

– А много ли вам надо, ведь здесь уже все есть. Солнце, море, приятные люди.

– Да, но ты здесь на каникулах и не знаешь, какого тут жить все время! – он помахивал сложенными ладонями, будто собирал воду из родника.

– Не знаю! Но я умею ценить то, что надо. И мне кажется, вы просто с жиру беситесь.

Распорились, будто он был продавцом, а я покупателем, и речь шла о стоимости специй на рынке. Дори ухмылялся, и поддакивал своему товарищу, мелькая оранжевым огоньком меж пальцев.

– Так просто тебе рассуждать, ведь ты приехала отдохнуть. А если я захочу купить себе машину, технику, или съездить, повидать мир как ты – я не смогу этого сделать! Вы, русские, думаете, что всем так же просто, как вам.

– Мы, русские! Моя семья из среднего класса, машины у нас нет, мой отец скопил денег, чтобы отправить меня на отдых. У нас с вами немного разные понятия о достатке. Ты постой на минус тридцати градусах полчаса, ожидая автобуса, тогда я посмотрю, как ты возненавидишь Грецию.

Услышав их громкий хохот, я осознала, что за эту неделю научилась свободно выражать мысли на английском. Раньше приходилось преодолевать стеснение, тормозившее подбор верных слов в голове. И все же, не эта деталь меня обрадовала, а то, что я общалась с незнакомцем без неуверенности. Минутное братство часто вызывало во мне воодушевление. «Я человек, вот как». Космополит. А иммигранты – это особый народ, они всегда готовы померяться своим патриотизмом и поделиться вином.

Дори дал знак, что неплохо было бы вернуться внутрь: его сосед по комнате уже удалился. Он не ожидал, что меня увлечет болтовня с его знакомым. Захо сообщил, что ему было приятно познакомиться.

Огни за карнизом притихли, и мне захотелось вернуться к сестре, хоть я и знала, что ей тоже не до меня.

– Отвези меня в Армонию.

– Так рано? Еще только полночь.

– Я волнуюсь, как там у них дела. – Он не поверил, и я вздохнула. – Все равно ничего не выйдет.

Дори медлил с ответом. Мы оба знали, что я была не готова.

– Хорошо, только пожалуйста, пообещай, что придешь завтра на пляж?

– Ладно.

Мы подходили к нашему с Катериной маленькому отелю, и Дори старался всеми способами замедлить расставание.

– Алекс еще не ушел, вот увидишь. Ты им только помешаешь. Давай подождем?

– Нет, время уже позднее, я уверена, что она одна, – мне хотелось уйти домой по собственному желанию, и соблюсти остатки приличий, и, в то же время, хотелось избежать чересчур счастливой улыбки, которая бывает у слишком быстро влюбляющихся дурачков.

– Знаешь, я никогда так много не смеялся, как с тобой, я имею в виду, наш первый вечер, – у белокаменной арки, под свидетельством крепких фикусов, он положил руку на мою талию. – Что я буду делать, когда ты уедешь?

Я знала эти движения в прошлой жизни. Он проделывал то же десятки раз в этой. Я улыбнулась, и, появившаяся на мгновение, подавленность в его лице исчезла. Он переплел наши пальцы.

– Шпирт.

– Что?

– Так мы в Албании называем любимых.

– Ааа. В русском есть слово «спирт», это значит алкоголь.

– Нет, шшш! Шпирт. Скажи.

Эта ночь была светлой и на удивление тихой на нашей улице. От сладкого воздуха в моей голове ожили все самые цветные чувства, которые людям приносит юность. Я выгнула кончик языка к небу, как он.

– Шшшпирт. А что это значит?

Плотина сломалась, и улыбка на лице Дори засветилась чем-то родным.

– Это значит «моя душа».

Когда я постучала в дверь нашей комнаты, из нее, вежливо кивнув, выбежал Алекс.

3. Солнечный зайчик

Казалось бы, молодые люди, которые темное время суток провели, держась за руки, могут не стесняться того, чтобы днем их видели рядом. Но парням, также, как и девушкам, необходимо было создавать иллюзию беспристрастности. Ведь все это кончится через несколько дней. На острове это всегда кончается за неделю.

Около полудня Катерина аккуратно снимала одежду, готовая отыграть первый ход «дефиле до волн», включающий в себя: плавную походку с прямой спиной, касание воды ступнями, поворот, улыбку (для меня), проход к шезлонгу, и звонкий смех, такой, будто мы настолько самодостаточные, что можем сами прекрасно развеселить друг друга, и вовсе нам не нужен никто. В последнее мы искренне верили.

– Ну как, он смотрел? – говорила она, заплетая густые волосы в пучок.

– Ага, они все смотрели. По-моему, у тебя теперь есть еще один кавалер – вон тот старичок с кожей цветов польского флага.

«Не издевайся», – с долей самодовольства сказала ее ухмылка, и Катерина протянула мне свои самые крупные солнцезащитные очки.

– Держи, можешь шпионить. А я пойду искупаюсь.

Если наклонить голову под нужным углом, то совсем незаметно в какую сторону направлен мой взгляд. Будто я так расслабилась, что вот-вот усну. Дори выглядел занятым, и счастливым, оттаскивал джет-ски и пританцовывал, с успехом пытаюсь рассмешить Большого Босса. Затем, пока Мелкий перепрыгивал волны с какой-то девушкой на заднем сидении, Дори с Алексом устроили что-то вроде соревнования по подтягиванию. Выделяются же. Я контролировала улыбку, отпуская ее лишь на один бок.

Наше знакомство было спонтанным, и я-то знала, что не должна испытывать волнений. Ну подумаешь, целовались. Неделю назад это стало бы для меня чем-то безумным. Но «Я-ханжа» покончила с собой в Малии, очарованная молодыми британцами, которых весь третий курс института я ставила во главу пирамиды мужских особей. Они были ухоженные, современные, говорили такие комплименты, которые в России мне доводилось услышать... ни разу. Хотя нет, помню, какой-то пьяница в маршрутке сказал, что цвет моего лака на ногтях сочетается с оттенком глаз. А после выпал из открывшихся дверей, прямо на остановку.

И все-таки, когда английские парни выкрикивали мне в ухо заезженное «откуда ты?», то казалось, будто все это нереально. Было проще, потому что это было еще более безответственно, чем прогулки под луной с Дори. Англичане, они для нас как ненастоящие. Не лучше и не хуже, просто другого сорта. Будь то темнокожий красавец с сережкой в ухе, парень-воротничок с идеальным пробором на голове, или блондинка в коротком топе с наклейками-ромашками на шее. Кажется, что мы воспитаны настолько по-разному, что никогда не сойдемся дольше чем на ночь, и неважно, сколько пластинок брит-попа ты прослушал в двенадцать лет. На каком-то уровне все русские так видят запад. Людями, которые живут удобнее нас, и, потому шансы на понимание самых сокровенных проблем стремятся к нулю.

Вот и чем мне теперь объяснить чувство, что конец должен быть не завтра? Отчасти тем, что расставаться с Критом совсем не хотелось. С местом, где я впервые ощутила свободу и настоящий облик молодости.

Здесь неважны твои достижения и провалы, здесь ты сможешь срывать голос до пяти утра, а после колесить на квадрацикле с незнакомым французским парнем в белой рубашке, который, в качестве платы за потраченный бензин, попросит лишь поцелуй в щеку. Так мы и сделали в наш второй день на острове.

Сегодняшняя ночь должна была быть последней. Самой странной из всех, наверное. Вчера я чуть было не пошла до конца, лишь после дала отбой. Не потому что он этого хотел.

Они все этого хотели. А потому что я поняла, что так мне будет комфортнее – вспоминать это как что-то, что было летом, с парнем, который не знает того, какой зубрилой я была в школе, какой безответно влюбленной я была университете, не знает моих страхов, и не сможет меня ни в чем упрекнуть. А главное, – не сможет похвастаться перед друзьями тем, что был первым.

Потому что больше я его не увижу.

Я выбирала свою судьбу сама, и была чрезвычайно довольна этим. В глубине души, я еще перед отъездом знала, что так и сделаю. Я решаю, а не «Он». Здесь на меня всем плевать, а там никто не узнает. И вовсе не нужно стихов и роз, просто я чувствую, что это легко. Когда я с Дори, я понимаю, что ничего такого в этом и нет. Особенного. Просто нам весело. И с каждым его словом, я все больше уверена, что его симпатия сильнее моей.

Прекратив слежку, я сняла очки. Было так просто смотреть, не скрываясь, – наслаждаться летом, людьми, которые впитывают в себя запах соли и олеандров, расслабленно пережевывают кусочки льда, и действительно смеются над шутками официантов. Мне нужен был лишь финальный камешек в чашу его весов.

На секунду мои глаза ослепил яркий свет, я машинально повернула голову в сторону Скайдрайва. Дори, с большим квадратным зеркалом наперевес, улыбался и махал мне рукой. Они использовали солнечных зайчиков как сигнал для посетителей в море, что пора возвращаться. Я рассмеялась в ответ. Состояние равновесия нарушилось.

Катерина потихоньку сократила дистанцию до Скайдрайва, и уже махала кистями рук в попытке рассказать Алексу как идут дела. Внешне эти двое были похожи на персонажей из Бондианы – загорелая брюнетка и парень с задумчивым лицом, и спиной, похожей на перевернутый треугольник. Представилось, что они не просто так сидят друг рядом с другом, а ждут пока из моря выскочит банда злодеев для обезвреживания.

– Ясас!³ Как дела? Хорошо отдыхается? – обзор преградил большой человек с рано поседевшей головой. Босс Скайдрайва возвышался надо мной, вытянувшей голые ноги из тени. По правое плечо от него стоял затерявшийся Дори.

– Ясу! Все прекрасно, а у вас? Работа идет полным ходом? – пошутила я, изменив свое положение на сидячее.

– Сегодня нет, но все еще впереди, – добродушно прокряхтел Босс, – Я пришел, чтобы этот с тобой поздоровался. Иди, говори, что хотел.

Дори неловко сел на соседнее место, и, дождавшись пока уйдет его ментор, заговорил.

– Привет.

– Привет. Что? Почему ты так смотришь на мое лицо?

– Я только сейчас разглядел какие у тебя глаза. Днем они совсем светлые, как море.

В который раз удивляя меня, он выдавил этот эпитет с долей разочарования.

– Это что, плохо?

– Мне твои глаза сильнее нравятся ночью. В них больше темного, знаешь. Больше чего-то глубокого.

– Это потому что ночью темно, – я обрезала паузу. Скорее всего он имел в виду то, что ночью мои зрачки расширены, потому что во время наших свиданий мы гораздо ближе друг к другу, в прямом, и переносном смысле. Пожалуй, не стоит заострять на этом внимание.

– Не знаю, но что-то в них есть. Хотя мне больше нравится, когда ты без макияжа, как сейчас. У меня вчера все лицо было в блестках с твоих век, – он засмеялся.

– Извини, они задуманы так, чтобы падать на щеки, и заворачивать, – вот так, видишь?

Я притворно хлопала ресницами, подражая мультяшке.

– Вообще-то, это я его попросил со мной подойти, Стефаноса. Не думай, что это он меня подтолкнул. Просто я не смог придумать повод.

³ «Привет!» – греч.

– Так вот как его зовут, – понимающе кивала я, – Ты такой смешной. Можно же просто подойти, поздороваться.

Чуть поодаль, моя сестра, с серьезным выражением лица переводила расценки на водные развлечения для пары русских посетителей Скайдрайва. Стефанос похлопал ее по плечу, выказывая похвалу, и она, запрокинув голову, радовала глаз своим смущенным смехом.

– Я заметил, что ты наблюдала. Будто бы смотришь в другую сторону, но у тебя не очень-то вышло, даже в очках.

Уткнувшись головой в коленки, я хихикнула:

– А сам? Дурачился изо всех сил. Я тоже не глупая.

– Мы с Алексом решили повеселить вас.

– У вас неплохо вышло. Особенно мне понравился солнечный зайчик.

Сейчас он тоже совсем другой. Не у меня одной глаза меняются. Дорины очень глубоко посажены, и лишь днем можно разглядеть, что радужка не такого уж и темного цвета. Больше древесного. «Почему он так нервничает, когда не целует меня? Наверное, боится сказать лишнее. Спугнуть. Я словно олень, которого выслеживают несколько дней. Подстрелить, пока не убежал в другой конец леса».

Мы встретились на Скайдрайве затемно, и он снова, нервничая, переплел наши пальцы.

– Пошли погуляем? – сказал он.

– Ага.

Один за одним наши ступни аккуратно перешагивали камни, спящие в теплой воде, будто боялись их разбудить. На моей левой руке плясали отсветы из прибрежных кафе.

– И долго ты будешь работать там, с парашютом?

– Пока не кончится сезон... думаю до октября. А если поссорюсь с ним, то уйду работать в большой отель.

– Со Стефаносом? Ты с ним ссоришься? Почему?

– Потому что говорю, что думаю, когда дело идет о работе. Я часто ругаюсь с начальниками. Правда потом они все равно зовут меня обратно. Здесь не так уж и много тех, кто сможет работать так много... В смысле, я молод. А люди постарше не выдерживают смены по двенадцать-четырнадцать часов на ногах.

Он говорил это обыденно, улыбаясь с зубами. Мои губы куксились, а глаза понимающе моргали, глядя на песок.

– И ты бы не хотел пойти в университет? Учиться, а после получить хорошую работу?

– Нет. Я не подхожу для этого. По многим причинам.

– Да ладно, я уверена, что ты не дурак. Катерина сказала, что Алекс собирается куда-то поступать. У вас здесь, видимо, все немного позднее... В России без высшего образования не примут даже на самую дурацкую работу, и мы идем в институт лет в семнадцать-восемнадцать.

– Только не смейся... Я так и не закончил школу. Нужно было работать, так что на это времени не хватало. Да и все равно в местную школу я не вписался. Я ненавидел все это.

– То есть?

– Ну... когда мы переехали из Албании, я ни черта не понимал по-гречески. Отец говорил, если я не выучу язык в течение месяца, значит я бездарь. Я выучил его достаточно быстро... но вначале отвечал всем учителям на албанском. Они так злились. С тех пор и не заладилось, – я слышала собственный смех и думала, что он просто находка.

Какую-то часть меня переделернуло, когда он признался, что не имеет даже среднего образования. Боже, не узнаю себя. Были бы мы в России, я бы и говорить с ним не стала. Мерзко признавать это. Но мне всю жизнь объясняли, что без диплома ты в этом мире как без рук. Папа, – вечно твердит, что это одна из самых важных вещей в его жизни – обеспечить мне

высшее образование. Я должна быть благодарна. Я благодарна. И все же, некоторым вещам не научишь за партой. Например, как быть хорошим отцом.

Но Дори, он же совсем не глупый. Сам выучил и греческий, и английский, и немного говорит на трех других языках. Была бы у него возможность, думаю, он бы смог чего-то добиться.

– Скажи, ты вернешься сюда через год? Следующим летом?

Мы сели на полосатый лежак с поднятой спинкой. Я прижалась к Дори спиной, и разгладила подол малинового платья. Белый шум волн уводил меня от беседы, убаюкивая мозги.

– Пожалуйста, не жди от меня обещаний. Понятия не имею, что случится через год. Да и какой смысл приезжать в одно и то же место дважды, когда на Земле так много мест, которых ты еще не видел. Хотя... мне здесь понравилось.

– А я бы и не хотел куда-то ехать, – его губы уткнулись в веснушки на моем плече, – Я не думаю, что смогу встретить что-то еще, что меня удивит.

– Как ты можешь так говорить! – меня тряхнуло из уже привычного тепла, – Ты же не видел и сотой доли. Неужели тебе не интересно?

– Не думаю, что жизнь станет счастливее от того, что я посмотрю на иностранное здание.

– Ты чокнутый. Притворяешься первым дурачком в округе, а на самом деле думаешь такие вещи.

– Все мечтают уехать. Неважно, где ты находишься, пусть даже в самом роскошном доме, в самом богатом месте. Люди мечтают оказаться там, где их нет. Но ничего не меняется. Надо менять себя, а не место, – он подумал, и добавил, – Если, конечно, ты уезжаешь не за работой.

Почему-то рядом не было ни души. Зря люди так мало времени тратят на то, чтобы любоваться закатом. А может и не зря, ведь так нам удавалось разделить берег на двоих.

Где-то за выступом Херсониссоса солнце падало в яму горизонта. Величественно, не зная никакой суеты.

– Я хотел сказать кое-что, перед тем, как наступит завтра, – он выставил перед нами ладонь, и стал загибать пальцы.

– Раз – мне давно не было так легко, как с тобой. Два – я уверен, что не смогу работать, когда ты уедешь. Ну, как минимум пару часов.

Я рассмеялась, хотя к горлу подступал комок.

– Три – ты одна из самых красивых девушек, каких я встречал. Четыре – мне кажется, будто я знаю тебя давно.

На указательном пальце голос Дори затрясся, и я испугалась.

– Пять – я думаю, что влюбляюсь в тебя, – выпалил он обвинительным тоном.

Эта арифметика сбила меня с толку. «Ты сумасшедший? Ты точно сумасшедший. Этого просто не может быть. Ты же сам говорил, когда мы встретились, что был влюблен лишь в пятнадцать лет, и то, в девушку со своей родины. И что для всего остального у тебя здесь хватает веселья. Что я наделала...»

– Не говори так, – я чувствовала, как краснеет мое лицо, как через минуту опухнут веки. Мне не хотелось, чтобы он видел все это, какую-то снисходительную жалость к нему, и ко всей ситуации в целом. Я вырвалась к воде, и стала шагать вдоль берега, не глядя по сторонам.

Он подошел, аккуратно тронув мои плечи.

– Пожалуйста, не плачь. Я прошу тебя, шпирт...

– Ты думаешь, ты единственный, у кого есть чувства?! – закричала я, обернувшись. Мне самой было неясно, вопрошала ли я о любви, или о переживаниях в целом. Захотелось поколотить его глупую обреченную голову. Вместо этого я стала бить его кулаками в грудь. Чтобы заглушить свой стыд за то, что сначала обратила внимание не на него, что все так выходит, что я оставляю его, причиняя боль, что все это складывается так нелепо, будто мы шестиклашки.

Шумное море беспокоилось рядом, и он меня обнимал, и его кроссовки намокли.

Я сказала «пошли в Гелиотроп». Мы взялись за руки, так, как это делают пары – пальцами, и, молча зашагали, переваривая мелькающую толпу покрасневшими зенками.

В ту ночь я оставила ему засос на шее. Мы стояли посреди спящей улицы.

Он попросил меня сделать это на память. А после я шла в свой номер и думала о том, кого должна любить я. Как должна любить я. Как все должно было быть в моих представлениях. Все не то. Но ведь никто еще не любил меня так, со слезами на глазах. В последний раз за ночь я утерла лицо, встретив испуганный взгляд темнокожего парня, проходящего мимо.

4. Обратно домой

Цветные и легкие платья были давно прижаты друг к другу. Сувениры и пара бутылок шнапса покоились среди ровной груды белья, уложенной в наш багаж. Чемодан Катерины, готовый в любую минуту разойтись по швам, напоминал мне хлопущку.

– Давай, в последний раз посидим на нашем балкончике?

– Конечно.

Под уже привычный вой цикад, мы разглядывали местность. Голубой парашют со звездами еще не появился на горизонте. Слишком рано.

– Знаешь, я буду ужасно скучать по этой комнатке. Мне нравится простота. Белые стены, темное дерево, и узкий балкончик. Что еще нужно?

– Да... А мне не забыть как мы подшучивали над Людмилой, вот это был настоящий угар, – Катерина глотнула смешанный с колой виски из стакана, взятого в ванной комнате.

Я прыснула. Бедная женщина! Выходя на соседний балкон подышать, она каждый раз притаивалась, подслушивая наши беседы. Мы решили, что не стоит ее разочаровывать – на ходу выдумывали такую чушь, какая не снилась сценаристам дневных сериалов:

– *Она сказала, что он ей противен, и у них разница в возрасте в двадцать пять лет! Тогда почему у них двое детей. Объясни мне?* – намеренно громко возмущалась моя сестра.

– *Ах да, – кивала я, будто точно знаю, о чем идет речь, – у нее же родились близнецы.*

Как их зовут, напомни еще раз?

– *Одного зовут... Марко!*

– *А другого?*

– *Другого – Поло, конечно, – Катерина душила свой смех в кулаке.*

Мозги гремели карнавалом из впечатлений. Но на поверхности, словно листик, упавший в воду, мелькало лишь одно имя, одно лицо.

– Боже, – я очнулась от размышлений.

– Что?

– Вспомнила, что снялась в какой-то рекламе. В Малии, в первый раз, когда мы танцевали на дороге, полной людей.

– Ха-ха-ха! Точно, и правда. Ты что-то говорила на английском, ведь так?

– Да... Вылетело из головы, какую фразу. Там был большой темнокожий парень, который кричал мне в ухо текст. Но когда они включили свет, помню, он упомянул, что мы с тобой из России.

– Наверное, пиарили вечеринки для англичан, чтоб приезжали. «Смотрите, какие чикнули тут собираются», – моя кузина игриво танцевала плечами.

– Скорее всего.

– А помнишь, как с нами знакомились те чудачки из Израиля, семнадцати лет?

– Да... «Сколько-сколько тебе? Упс!». А они ведь думали, что нам по шестнадцать.

– Это ли не к лучшему, сестренка? Выглядеть на пять лет моложе.

Стукнувшись краешками бокалов, двое девчонок молча прощались с пейзажем: с маленьким бассейном, с вывеской отеля «Калипсо» неподалеку, с фикусами под окном.

Расставшись с ключами от номера, мы отправились сделать то же самое и с непродолжительным летним романом.

Пляж пока был пуст, лишь трое парней подготавливали свое «рабочее место», чтобы весь день развлекать других, таких же как мы. Мы не стали рисоваться, и подошли прямо к ним, усевшись, можно сказать, на vip-места, – внутри их желтой будки без стен. Я следила за тем, как

Дори и Мелкий надувают «банан». Они оба так быстро двигаются, слегка нервно. Наверное, потому что хотят выполнить всю муторную работу быстрее.

– Знаешь, чего бы я очень хотела? – Катерина потеряла многочисленные браслеты на своих руках.

– Чего? – вяло отреагировала я, не отрывая свой взгляд от стройного тела Дори.

– Прокатиться с ним на джет ски в последний раз. Уехать в море, чтобы никто не видел. И ты тоже, с Дори. Думаешь, выйдет?

– Думаю, да. Если мы заплатим, – идея показалась мне чудной, – Стефанос не даст ничего даром, а бизнесом рулят отнюдь не они.

– Ты права. Он не разрешит растрачивать им бензин... Судя по тому, что сказал Дори, этот Босс не так уж и дружелюбен, лишь притворяется.

– Хех, а мы с тобой думали, что нам просто так дают все бесплатно, потому что мы милые. Вот еще. Это как с наркотой – первый раз для вас, вуаля, а после – плати сполна.

– Согласись, что это вполне справедливо. Особенно для здешних мест. Люди еще слишком щедры для того, как описывают их жизнь по телику.

– Я тоже как-то не ощутила кризис... Но нам же говорили, что в Афинах похуже. А здесь, конечно, люди вкалывают. Сосед Дори приходил принять душ перед второй сменой – ночной. Когда же он спит?

– Значит, ты уже и с его соседями познакомилась? – толкнула меня в бок сестренка.

– Не то чтобы... А сама? Как провела последний вечер? А, а? – ее улыбка стала такой счастливой, что я невольно ее скопировала, будто зевок.

– Мы гуляли на краю залива, у пирса. Были в гостях у какого-то его друга, я не запомнила имя, но было весело. А после... В общем, мы говорили про все на свете. Про наши семьи... Ему было на самом деле интересно. Знаешь, они так устают, что засыпают просто мгновенно. Он засопел, и я не стала его тревожить, тем более, что мне было хорошо и так, а после он резко открыл глаза, будто не понимает, что происходит. Я не успела ничего сказать, как он стиснул меня в объятиях, точно испугался, что кто-то отнимет.

В попытке сменить тему на менее грустную, я бодрым голосом отчеканила:

– Но ты ведь уже научилась понимать английский. Так здорово!

– Не совсем, но теперь все же гораздо лучше, чем...

Она так и не подвела итог – рядом оказался Алекс, с полотенцем на шее, и поманил ее на пару метров от офиса. Ему было неловко общаться в моем присутствии, в присутствии других людей, по крайней мере, при свете дня. Никогда не встречала мужчину, который создавал бы столь двойственное впечатление. Большинство из них достаточно прямолинейны, даже если стараются этого избежать.

Его закарамеленное тело было эквивалентно неоновой вывеске, но лицо – смесь побитой собаки и мизантропа, который решил спрятаться от толпы. Будто при этом ему ужасно неловко за то, что он так притягивает девушек, за то, что он наслаждается этим.

– Еще пара часов? – Дори взял меня за руку.

– Да, совсем чуть-чуть.

– Послушай, может быть ты не захочешь, но, пожалуйста, – из кармана своих синих шорт он достал клочок линованной бумаги, – напиши мне. Я не смогу так, зная, что больше тебя не увижу.

На листке криво, будто на коленке, были выведены его контактные данные в интернете. Скайп, фейсбук... Хм, наконец-то я знаю его фамилию. За пару недель я забыла о том, что люди ее для чего-то используют.

Выудив из сумки блокнот, я начеркала свою фамилию тоже.

– Конечно, я напишу. Но все же, я не уверена насчет следующего года.

– Я буду надеяться. Знаешь, ведь некоторые люди приезжают сюда и по десять лет, каждый год в одно и то же место, на один и тот же пляж. В основном англичане...

– Ну, они могут себе это позволить.

– Ага, мои работнички, уже воркуют вовсю, – Стефанос по-хозяйски прошагал по дощатой дорожке, и хлопнул меня по плечу. – Я буду шафером на ваших свадьбах. Мы устроим двойную! Уже вижу, как подаю кольца.

Мы ответили вежливым хохотом, но Алекс нашел шутку босса не слишком умной. Катерина, улыбаясь, прижалась головой к его торсу, и он отвел взгляд в сторону от всеобщего смеха.

Немного вдали показалась крытая желтая лодка Скайдрайва. Водитель пригнал ее из мини-порта в соседней Малии. Дори заговорил по-гречески со своим толстым начальником. Тот покивал, будто говоря «конечно, заметано».

– Надевай жилет, прокачу тебя в море последний раз. Иначе мне придется обслуживать людей на парашюте, а ты останешься тут. Я не хочу тратить последние два часа таким образом.

Мне было безумно радостно, что не придется хандрить на берегу, и высматривать как его маленький силуэт мастерски расправляет и складывает гигантское синее полотно.

Албанец средних лет, который управлял лодкой, отпускал грязные шуточки про то, как много девушек он сюда приводил, провести ночь. Дори, сжав челюсти, разбирает снаряжение. Когда водитель стал расспрашивать меня, не привезу ли я ему на следующий год какую-нибудь подружку, мой кавалер дерзко выкрикнул что-то на непонятном мне языке. Шутник чуть пре-рекался, и, вскоре, замолк.

К лодке подъехал водный мотоцикл – Алекс привез улыбчивого мужчину в очках, и его маленькую дочку, лет девяти. Дори стал одевать на них груз для баланса. Я сидела напротив, и улыбалась ребенку. Я была счастлива.

Когда они взмыли в небо, Дори стал меня целовать. Подойдя к носу судна, мы расправили руки, показывая девочке и отцу, чтобы они расслабились. Те, поначалу неуверенно, отпустили стропы, и радостно помахали нам. Мы с Дори приветствовали их в ответ. И, хотя я была внизу, чувство полета захлестывало легкие целиком. Слово я – эта девочка с каре, и солнце греет вывернутую наизнанку душу.

– Потрясающее чувство, да? – сказала я по-английски, когда они нащупали твердый пол под ногами.

– Да! Это удивительно. Очень красиво, – мгновенно подхватил отец девочки. Ее чистое лицо было обложкой лета, его сутью.

Бирюзовые капли прыгали на стенки миниатюрного судна. Дори наклонился к моему уху, и сказал о том, что хотел бы прожить со мною лет пятьдесят, и тоже так же кататься в небе вдвоем. Это, до милого нелепое откровение, дополняло картину дня, будто я узнала какую-то его тайну, секрет, которому место в школьной тетрадке.

Когда Алекс вернулся за посетителями, и уже посадил девочку, я заметила, что ее отец спрашивает у водителя: «Эти двое, они пара?». Дори не расслышал его любопытствующей реплики, утрамбовывая парашют.

– Ты не против, если мы с Катериной сейчас купим вас... минут на пятнадцать? – я притянула его за майку. Играть, так играть до конца.

– Идея мне очень нравится, – его балканский акцент терялся в плеске окружающей нас воды.

Мы отдали Боссу последние деньги, которые я держала на случай необходимости. Катерина сочла судьбоносным, что нам хватало и времени, и значки. Гидроциклы бороздили волны на максимальной скорости, я визжала, выплескивая адреналин, а чуть поодаль, обгоняя нас, Алекс и моя сестра неслись в сторону Санторини.

– Теперь ты рули.

Дори вручил мне штурвал, и, неуклюже перебравшись на скользких ногах, я сжала рычажок газа что было сил. Мои глаза жгло от брызг, хлеставших лицо. Казалось, что соль более едкая дальше от берега, – там, где вода глубокого синего цвета.

Чокнутые, мы прыгали по волнам, словно по кочкам, я смеялась как можно громче, и жидкость попадала мне в рот. За спиной было слышно, как Дори отплеивается и, не сдерживая смех, просит сбавить обороты.

– Пстой! Повернись ко мне...

Вдали раздавалось жужжание – Катерина выжимала весь газ из своей «игрушки». Для нее это было особенным удовольствием – мания скорости и опасных развлечений. Нередко это становилось причиной наших споров: я не хотела брать ответственность, и объясняться перед ее родителями в случае ее неудачного прыжка с банджи. Она всегда убеждала меня, что ничего не случится, наивно полагаясь на надежность операторов парка развлечений.

Так тихо. Так хорошо. Дори поглаживал мои щеки, и наше сидение-поплавок качало, когда волны скрещивались друг с другом. Наверное, у меня размазалось все лицо. Ужасно, должно быть, выглядит – тушь, как акварель, под глазами. А, плевать.

– Почему ты такая милая, – тихим голосом говорил он.

– Не знаю, – я физически ощущала красноту своего лица. Кожа пылала от усвоенных ей морских специй, – Наверное, потому что ты был послан мне судьбой. Ведь ты единственный, кто так считает.

– Ты сумасшедшая, если думаешь, что в России в тебя никто не влюблен, – он сделал паузу, – Спасибо за прошлую ночь, она была замечательной.

– Тебе тоже. Я этого не забуду.

– У тебя сейчас, наверное, слишком соленые губы, чтобы целовать?

– Пока не попробуешь – не узнаешь, – мои пальцы пробирались среди мокрых прядей его волос, – Ну как?

– Слишком соленые. Но это не беда, потому что я самый сладкий парень в округе. Нет, правда! В детстве я ел сахар ложками, – он шутливо нахмурил лоб, глядя как я хихикаю.

– Значит, мы дополняем друг друга.

Когда в глаза попал солнечный зайчик, я поняла, что счет времени мы потеряли. Дори попросил встать, и крепко держаться за его туловище. Он сделал несколько крутых разворотов, во время которых мы еле устояли, а я вновь набрала целый рот жгучих брызг.

Стоя, мы рвались к берегу, где выжидаяще маячила большая желтая футболка Стефано. Острыми пальцами я сцепила свои объятия, и эйфория, словно содовая, бурлила в моей крови.

– Дори!

– Что? – он слегка повернул голову, пытаясь лучше расслышать.

– Я люблю тебя!

Что-то взяло верх над моей логикой. Над тщеславием, что я выращивала, как подпорки для выхода в мир, где каждый судья каждому. В моей груди билось сочувствие, сочувствие и вина, что я, будучи по неопытности искренней во всех своих действиях и словах, вызвала в нем что-то похожее на любовь. Привязанность. Но этот момент так искрился энергией... И хотелось лишь дать ему повод провести следующую неделю с улыбкой.

Я призналась в том, что люблю его, и пыталась убедить саму себя в том, что это и правда так, ведь он теперь навсегда останется моим первым мужчиной, и воспоминание о нем, как о ком-то, к кому я не испытывала хотя бы долю любви, умаляло бы мое собственное достоинство. Да, в какой-то степени, я полюбила его, как того, кто был со мной на равных, кто на несколько дней дополнял меня, словно пазл.

Но это признание представляло собой другое чувство, и он должен был верить, что я влюбилась в него, как влюбляются в фильмах, или в детском саду – сразу и без подробностей.

Он сильнее сжал рычаг газа, и, мне виделось, что его грудь, того и гляди, разорвет от счастья и удивления.

– Только не спрашивай, почему я это сказала. Не говори ничего, – ступив на песок, я вытирала капли с измученного солнцем лица Дори, – Нам пора уходить.

– Эй, малака⁴! Иди, нужно везти клиентов.

Группка людей уже разместилась верхом на плавучем банане. Я не успела выдохнуть слово «прощай». За пару мгновений Дори сжал мое лицо, заставив вытянуть шею, и, резко поцеловав, зашагал в воду.

Он обернулся лишь когда отплыл от берега. Люди восторгались, прыгая по волнам, а он сидел на кончике надувного судна, задом наперед, и, клянусь, сквозь дурацкие слезы, я видела, как он вытер глаза.

Спрятав эмоции в ладонях, я повернулась к морю спиной. Полуголые люди, заставшие эту картину, лежали в волнении. Плотный мужчина с усами держал раскрытой газету, и, поверх очков, разглядывал мою слабость, – немного сочувствующе, немного испуганно.

– Ну же, не плачь, – меня обняли за плечи, – Это пройдет быстро.

В свете солнца я увидела смазливое лицо Мелкого. Хриплым аляповатым голосом он стал говорить о том, что эти четыре дня Дори улыбался как полный кретин, и им приходилось пинками заставлять его работать более-менее продуктивно.

Отвесив десяток ложных обещаний для Босса о том, что вернемся в следующем году, мы отправились в сторону Армонии. Катерина то и дело оборачивалась на море, чтобы в последний раз подглядеть как Алекс режет воду носом своего гидроцикла. Он поцеловал ее на прощание стеснительно, не желая выставляться напоказ перед сонными туристами.

Автобус уже стоял у кованых ворот.

Весь полет домой мы вытирали салфетками распухшие глаза, поделив пополам наушники. Окружающие не удивлялись, думая, что этим пигалицам из России просто не хочется, чтобы кончались каникулы. Никто не знал, что ситуация была еще более банальной и глупой.

Дома нас ожидали сумерки. Было тепло, и огни эстакады усыпляли своим однообразием. Родители Катерины, встретившие нас, притихли, увидев на юных лицах апатию, и не услышав историй о потрясающем отдыхе. Ни мне, ни Катерине не хотелось делиться подробностями. На соседнем сидении она притворилась, что засыпает, но перед этим молча отправила сообщение мне на мобильный:

«Мужик с лодки перекинул это фото сегодня».

На экране Дори что-то шептал мне на ухо, и ветер играл в моих волосах.

⁴ В пер. – «дрочила» – бранное слово, которое греки часто употребляют в разговорной речи.

5. Его секрет

Еще пара дней, и я отправлюсь в свой город. А пока мы делили двуспальный диван Катерины. Мое пробуждение окружала комната девушки 2000-х годов: милые рамки с улыбочными фото, бижутерия, подарки от бывших парней, полка с парфюмерией, и, конечно, мягкие игрушки. Раз за разом, оказываясь среди этих голубых стен, я рассматривала элементы девчачьего быта, и чувствовала себя подростком еще раз. Нам по четырнадцать, и мы посылаем сигналы SOS с помощью настольной лампы мальчишкам, которые летним вечером маячат у подъезда Катерины.

Сидя на тесной кухне, я ждала пока сестра приготовит кофе. Больше ничего не хотелось. Ее жизнерадостное лицо теперь стало озадаченным. Иногда она застывала, расслабив глазные яблоки, и рассматривая воздух. А после, на долю секунды появлялась та улыбка, которая не сходила с ее лица еще три дня назад. Я знала причину, и все же, каждый раз, ухмылялась: «Что? Что такое?». И она, слегка помедлив вначале, с удовольствием рассказывала о том, что сделал, или сказал Алекс.

Это было нетипично для Катерины. Ей признавались в симпатиях около двух десятков парней; далеко не самых высоких моральных качеств, но встречались и те, кого дальние родственники обычно зовут «завидными женихами». И, несмотря на целый ящик с подарками от поклонников, мне еще не приходилось видеть ее такой – увлеченной. Чтобы она, рассказывая о ком-то, не выглядела буднично и невозмутимо, а прикладывала усилия, сдерживая гладкие губы от растяжения.

– Я не смогу выбросить все, что случилось, из головы. Но мне пока что совсем не хочется рассказывать об этом родителям.

– Родителям? – я выпрямила спину, – Они сразу же напридумывают самого худшего! Подожди хотя бы, пока я не уеду домой.

– Ладно. Точно, будут смотреть на нас как на товарищей по преступлению.

– А что, собственно, им рассказывать? Ну, встретили мы двух парней.

– А то, что... Я думаю, что я вернусь туда.

Я как раз делала глоток кофе, когда она продолжила.

– Давай поедem в октябре? Ждать целый год – я не вынесу!

– В октябре? Но это же больше года.

Мои глаза захлопнулись в понимании:

– Ты про этот октябрь?

Катерина виновато улыбнулась, стараясь доказать своим видом, что она не слетела с катушек.

– Про этот октябрь? – повторила я.

– Ну а что. Ты ведь не сможешь так. Ты ведь знаешь, что это судьба – то, что мы одновременно их встретили. Это просто так не случается.

Конечно же, я понимала, что это, как раз, просто так, потому что все четверо были молоды, и, если бы не мы с Катериной, – это были бы какие-нибудь другие девчонки в коротких юбках. Хотя, я не могла не признать, что чувствовала в словах кузины что-то волшебное, и от этого в сердце возникал трепет. Выбор был сделан нами, и в этом выборе и заключалось то «судьбоносное», о котором она вела речь.

– Я себе это не представляю. Откуда мы возьмем деньги? И как же университет?.. Нам влетит за прогулы. Но самое главное, родители меня ни за что не отпустят. Отдохнуть – да, каникулы – да! Но не какой-то неизвестный парень.

– Именно это я и имела в виду, когда говорила про то, что пока не хочется им рассказывать. Но мы должны это сделать. Иначе мы не сможем отправиться туда еще раз, и так скоро. Деньги – не проблема, заработаем. У меня уже немалый опыт работы в кафе.

Темные волосы, казалось, отражали блеск безумия, охватившего голову Катерины. Совсем лишилась мозгов.

Хотя, в последние двадцать четыре часа моя хандра по морскому воздуху эскалировала до отметки «ломка по присутствию Дори». Я представила, какого было бы вернуться туда еще раз, спустя полтора месяца разлуки, только теперь я бы провела с ним гораздо больше времени, чем выпало на нашу долю в августе.

– А университет... Я все равно все это ненавижу. Каждую неделю придумывают что-то новое обо мне. Если бы знала, какие там злые люди. Так что мне совершенно без разницы, что они будут мусолить на этот раз.

– Но со мной-то учатся самые близкие друзья.

Тряхнув головой, я сфокусировалась на важном:

– Мне понятны твои переживания, сейчас как никогда... Честно говоря, я думала о возвращении – в порыве рыданий. Но не о таком скором! В этом году мы получаем дипломы, и у меня есть четкий план – победить в олимпиаде, и поступить в магистратуру в Москве. А если мы продолжим эту историю, то я боюсь, что все пойдет кувырком.

На лице троюродной сестры отразился недоверчивый страх.

– В Москву? Ты хочешь в Москву?

Ее нехитрый вопрос поставил меня в тупик. Мои предыдущие слова проскакали в голове эхом, и планы на будущее на мгновение показались глупостью высшей степени. Столько тысяч человек говорит то же самое своим близким? «Поеду в Москву. Только там можно чего-то добиться». Я понимала, что никогда не боялась этого места. Но оно никогда не вызывало во мне симпатии. Я не «горела» столицей, однако она казалась самым очевидным выходом для тех, кто не знает, что ему делать дальше. Если подумать, то все мои знакомые, переехавшие в этот гигантский улей, делили чужие клочки жилплощади с чужими людьми, были старше тридцати, и заталкивали в пустоты одиночества чеки с покупки дорогих гаджетов и театральных билетов. Театр, да. Ради него, может, и стоило бы.

– Не то, чтобы... – я замялась.

– И ты действительно хочешь потратить лучшие годы жизни в Москве? В то время, как ты можешь совершить что-то, что перевернет твою жизнь.

– Господи, ты говоришь, как какой-то подросток из американского кино, – я смягчилась, и позволила скептику внутри отвернуться: – Может и нет. Но я точно знаю, что не собираюсь отказываться от своих планов из-за какого-то парня, которого я встретила неделю назад.

«Которого, кажется, я знала всю жизнь».

Мы знали, что сегодня выйдем на связь. Нужно было лишь дождаться вечера – ведь парни работали почти до заката, а после необходимо смыть с кожи соль.

Около девяти он написал смс, что ждет.

– Господи, давай быстрее!

– Не могу, не работает!

– Глупый компьютер.

– Это все модем.

Мы ошупывали провода и терзали кнопки включения, в надежде, что груда железа очнется. Днем моя сестра выплатила все, что задолжала провайдеру.

Наконец, я открыла фейсбук. Мы им почти не пользовались, и для меня, и для Катерины это было непривычное поле общения.

«Привет, крошка».

Я увидела его имя.

«Привет, шпирт

Я точно не знаю, как это пишется».

«Ха-ха, все верно, земер».

«Земер?».

«Да, еще одно слово для любимого человека. Это «сердце» по-албански.

Как ты?».

«Плохо».

«Я тоже. Думаю лишь о тебе».

«И я. Все это время смотрела на наше фото».

«Ты сможешь принять видеозвонок?».

«Нет, я сейчас не в своем городе, в доме Катерины. У нее нет веб-камеры».

– Твою же ж... надо срочно покупать камеру!.. – шипела позади меня сестренка.

«И скоро ты поедешь домой?».

«В понедельник, я думаю. Через пару дней».

«Ты знаешь, ты первая девушка, которая заставила меня так чувствовать».

Я использовала его шаблон, и мне показалось, что это красиво:

«Ты знаешь, ты первый парень, с которым я была собой».

«Я счастлив, если это так».

Я промолчала.

«И потому, что я влюбился в тебя, я должен... я обязан признаться, что сказал тебе одну ложь. Но я не уверен, что мне стоит говорить правду».

Я неслабо напряглась. Конечно, он соврал о чем-то. Не могло же все быть так здорово. Наверное, он на самом деле считает меня толстой. Я сама так считаю. Точно.

«Конечно, мне ты можешь сказать

Что это?».

«Да, но я не уверен, что ты все еще будешь со мной разговаривать после этого».

«У тебя есть жена? Дети?» – стандартная шутка.

...А вдруг?

«Ха-ха-ха, смешно, но нет

Это касается моего возраста».

Я задумалась: он старше меня? Вполне может быть, если судить по внешности. Тогда зачем бы он врал? Так, стоп...

«О боооооооже

Ты младше 21?».

Он замолчал. Я смутила его своим «боооооооже».

«Ладно, говори, говори правду

Дори?

ты здесь».

«Ты уверена, что не перестанешь со мной разговаривать».

Мне не терпелось узнать истину, и я ответила:

«Дурак», – это слово он уже выучил, пока я была в Греции, —

«Конечно нет».

«Обещаешь?».

Компьютер затормозил. Клавиатура перестала реагировать на дробь моих вспотевших пальцев, и я за тысячи километров ощущала, как Дори напряженно ждет ответа.

Я была на взводе; Катерина, которая ожидала такого поворота с враньем еще меньше моего, нервно дергала проводки под столом.

– Ненавижу эту рухлядь!

– Да работай же ты, зараза! – я поворачивала коматозную доску с кнопками вверх дном и обратно.

«Шпирт?»

Ну вот, ты уже не хочешь со мной говорить».

– Плевать! Я просто включу экранную клавиатуру!

– Мне кажется, я нашла нужный разъем! – доносилось около моих ног, – Сейчас воткну и выткну!

«Пожалуйста, скажи что-нибудь».

«Обещаю» – я, наконец, набрала буквы, словно бусы на нитку.

«Ок, мне 17».

– Я сделала! Должно заработать теперь.

– Ему семнадцать.

– Что ты говоришь? – лицо Катерины, все еще пребывающей под столом, за секунды сменило диапазон мимики от шока до сочувствия.

– Поверить не могу. Как ему может быть семнадцать?

– Ну... албанцы достаточно мужественно выглядят, согласишься?.. Я тоже сначала думала, что Алексу двадцать семь, а оказалось, на 6 лет меньше, – она попыталась выпрямиться раньше, чем стоило, и ударилась лбом о дерево.

«Почем ты соврал мне».

«Потому что я думал, что ты не захочешь со мной остаться тогда, в первый наш вечер. И не думал, что у меня появятся чувства к тебе».

«И что нам теперь делать».

«Не знаю. Но я сказал тебе правду потому что полюбил тебя, и потому что я очень, очень и очень скучаю».

«Алекс и его братец, они тоже не знают?».

«Что?».

«Что тебе 17».

Он сделал паузу.

«Я не знаю».

Мое воображение отчетливо рисовало, как высоко, должно быть, я сейчас закатила глаза. Еще чуть-чуть, и увижу свои мозги.

«Боже, он твой ровесник?!».

«Нет, только его брат».

– Фух... – Катерина, которой еще не приходилось с такой скоростью вникать в чужую переписку на чужом языке, выдохнула мне в плечо.

«Алексу 18».

– Какого?!.. – она вцепилась в клавиатуру, но скоро поняла, что Дори здесь не при чем.

«У меня в голове сейчас просто бардак

Потому что у меня тоже есть к тебе чувства

но это же безумие».

«Я знаю, но ты должна понять, что я действительно полюбил тебя, и не хочу прекращать с тобой общаться, никогда

Пожалуйста».

«О боже

Мне надо подумать

Во сколько ты обычно бываешь онлайн».

«Всегда по-разному, у меня в доме нет соединения, я хожу в интернет-кафе».

Я не смогла поддерживать диалог. Все, что произошло ранее, казалось мне в эту минуту еще более несерьезным. Он прав, я бы ушла, если бы знала правду. Мальчишки, они медлен-

нее доходят. Всем ясно, что двадцатиднолетняя девушка, и парень семнадцати лет – это как-то не так. Все должно быть наоборот. Разница в числах совсем не большая, но между нами граница, линия между шальным подростком, и девушкой, которой спустя пару лет придется отвечать на вопросы родных о замужестве. Я и не представляла, что стану возиться с кем-то, кто, не то, что не старше меня, так еще и несовершеннолетний. С другой стороны, когда я думала, что ему двадцать один, в моих глазах он выглядел совершенно иначе. Да, как бы не было неловко перед собой, я видела в нем... потенциал.

Но сейчас! Он же совсем сумасшедший. Не знает, что говорит. Любовь? В его возрасте я целовала плакаты с актерами, и прогуливала курсы по математике. Нет, нет. А когда речь идет о парнях, то все надо умножать на десятку.

Но он же вырос в другой среде. Он работает с двенадцати лет. И выглядит вовсе не на семнадцать. Где-то двадцать три или двадцать четыре я бы ему дала, если бы не знала совсем.

И кому это важно? Всем моим друзьям... Хотя они пока и не знают о его существовании. А я и сейчас отчетливо слышу их недоверчивый смех: «Ты шутишь?».

«Ну, а кто сказал, что мужчина должен быть старше? Ты сама прекрасно знаешь».

Да, знаю. Мое внутренне чутье. Хотя, последние два года я провела с непрерывным потением рук и кирпичами в желудке, концентрируясь на мужчине, который был старше. И чем это кончилось? Тем, что я еще слишком глупа для него.

«Ты была глупа для него, а Дори глуп для тебя? И вовсе не глуп, просто не образован. У него есть все навыки, и о жизни он знает больше. Я – сраная герань на подоконнике, не видела еще ничего. Ну, что-то видела, но ни на что не влияла».

Я прижалась лицом к прозрачному стеклу. В темно-зеленом дворе было тихо, песочница пустовала. Катерина, траурно потушив голос, сказала, что напишет ему за меня.

«Шпирт?»

Земер

Если ты больше не хочешь меня видеть, скажи мне об этом, потому что я пришел сюда только ради тебя, и больше у меня нет причин оставаться онлайн».

Впечатав несколько забавно-переведенных слов, она отправила следующее:

«Это Катерина

Она переместилась

Не волнуйся. Возвращение».

«Ок», – он все понял.

«Крошка прости меня я был готов плакать когда уплывал на лодку а ты смотрела это было слишком плохо

Потому что ты первая девушка в которую я влюбился спустя два года

Мне нужно идти, но я буду счастлив, если ты напишешь потому что ты единственная кто сделал меня счастливым».

– Должна признать, что моя ситуация чуть полегче, – Катерина положила руку мне на плечо, в сопереживающем жесте.

– Мда. Надо было раньше додуматься.

– Но, послушай... об этом же знаем только мы.

Я посмотрела в ее круглые глаза, и, поразмыслив, кивнула. Мы молча решили, что личные впечатления важнее прописанных возрастных категорий. И, все-таки, договорились никому не сообщать о том, что причиной несварения желудка у нас обоих являлись парни возраста старшей школы. Никто не поймет. Они не поймут нас.

Ночью я снова лежала, глядя в остывшие от старости звездочки, приклеенные на потолок Катерины. Я ведь совсем не такой человек, готовый разбрасываться кем-то, кто так идеально подходит к моему горделивому характеру.

Да, пускай не по тем параметрам, что используют свадебные агентства. Но по своим собственным. По неугомонному звуку его голоса, в котором отсутствует всякая злость. По темпу его дыхания, который меня не тревожит, а наоборот, убаюкивает. По тому, как его шершавые пальцы идеально ложатся в мою ладонь.

Такой ли я человек, который станет класть на чаши весов диплом об образовании (или его отсутствие), и нравственные принципы человека? Его благосостояние, и его взгляды на мир? А что тут зазорного, – в том, чтобы быть таким человеком? Ничего, просто ты не такая.

Перевернувшись, я уткнулась лицом в подушку. Он и не знает о том, какая я чокнутая. Просто теперь я должна думать в два раза больше. Ведь мне уже не семнадцать.

6. Друзья

Голуби шумно топтались за окном, глумились над моим настроением. Совсем скоро нужно было вновь пойти в университет, но сегодня, я планировала увидеть своих друзей. И чего я так дергаюсь? Все же неплохо. Лето было отменным, я испытала неповторимые чувства, и меня полюбили. Наконец, меня полюбили так, будто я – что-то очень красивое, хрупкое, нежное. Будто меня стоит охранять, ну, или как минимум, платить за время в интернет-кафе, чтобы поговорить со мною после изнурительной работы.

Каждый день я писала Дори смс-сообщения, а он отвечал. Нечастыми, но очень большими текстами. Набросанными без пауз, и без знаков препинания – будто я ожидала его на суше, а он захлебывался, старался увидеть мою одинокую фигуру, выскочить из-под искажающей поверхности, еще раз.

Когда он появлялся онлайн, то каждый раз говорил: «Ты сегодня безумно красива», еще до того, как я включала свою веб-камеру, и я знала, что кроме меня он сейчас никому не доступен. Это было время разговоров, которые мы наверстывали, уже познав друг друга физически. Такая схема была неправильной, словно в западной комедии, где люди с легкостью относятся к знакомствам, деньгам, пропускают работу, и пьют вино в одиночестве, и мы не были такими людьми. Моя семья хотела бы воспитать меня совершенно иначе. Будь она еще целой, конечно.

Потрясающе, как способен измениться человек после одной поездки, одного знакомства. Казалось, что вся моя жизнь стала другой, этот август, эти две недели свободы показали мне как были мелочны все мои переживания, как бесполезна была растрата моих юных дней на самоуничужение, и ненависть к обществу.

Я была зажатым подростком, который мог только исподтишка рассматривать и осуждать чужие взгляды, чужие поцелуи под козырьком подъезда. Как только кто-то увидел меня на грани решительности, натуральной, без одежды и без притворства, все встало на свои места. Как только этот кто-то полюбил мой смех, мою наготу, мои слезы – уверенность в себе, чувство значимости возросло в сотни раз, и все неудачи, вся фантомная отчаянность и безответность растворилась, умерла с шумом моря и гулом самолетных турбин.

Мои самые близкие однокурсники встретились в серой, заваленной книгами, квартире Даниила. Свет с трудом пробивался сквозь пыльные окна съемных апартаментов, и одна-единственная комната стала пристанищем его аккуратных башен из отпечатанных жизней великих психов и алкоголиков. Он влюблялся в их растраниженные, окутанные флером дозволенного безобразия жизни, и, пытался уподобиться им, зачастую в шаблонном русском ключе, – напираясь до приступов омерзения к себе и окружающим.

– Давай, рассказывай! Как съездили, загорелая крошка, – Саша обняла меня искренне и нежно. Обоняние приветствовал аромат, исходящий от ее блестящих, невероятно крепких волос. Трудно было представить, чтобы такая ухоженная девушка, могла пахнуть иначе, чем сладостями и цветами.

– Да, о чем таком «безумном» ты хотела рассказать? – другая моя подруга, Ксения, встретила меня по обыкновению мягким, приятным голосом. Я словно была на приеме у педиатра, который действительно любит свою работу, и считает каждого ребенка спустившимся на землю ангелом.

Даниил разливал пиво в свои потертые кружки. Самому ему достался граненый стакан.

– Может, подождать Юру? – он застыл с наклоненной пластиковой бутылкой в руке.

– А он придет? – я дернулась, осознав, что это не вся аудитория, перед которой мне придется исповедоваться. И почему я так себя ощущаю...

– Да, он обещал, что придет, – Даниил взглянул на часы, – Минут десять еще.

– Какая разница, все равно он не пьет. А я умираю от жажды! Давайте, хотя бы присядем, – Саша устроилась на краю скрипучей софы с металлическими подлокотниками.

Мы чокнулись, я потихоньку расслабилась, притянула к себе правую коленку. В конце концов, мы же делали глупости на втором-первом курсе, когда мешали вино и водку на университетских вечеринках.

– Ребят, я встретила парня.

– Начинается... – Даниил напруг губы, облизывая горечь пены.

– В смысле, в Греции? – Саша выглядела так, как я себе и представляла – скептически, и менее – восторженно.

– Да. И прежде, чем вы успеете что-либо подумать, я скажу сразу... Не грека, и не британца, про которых мы слышали. Он албанец.

Наверное, стоило подождать пока друзья поставят стаканы на стол. Ксения не могла сдержать недоумевающую улыбку, и зрачки ее сфокусировались на потолке. Саша слегка поперхнулась пивом. Из колонки в углу комнаты потихоньку выпрыгивали звуки битников, и Даниил незначительно кивал подбородком в такт.

Я рассказала им добрую половину наших свиданий, и постаралась передать, насколько любимой я себя ощущала. Насколько достойным человеком выглядел Дори в моих глазах. Даниил не проявлял к моим приключениям особого интереса. Ему казалось, что это скорее девчачий треп. Ксения подвела итог своим внутренним впечатлениям, сказав, что все это очень романтично, и я сама в праве рассудить, что делать дальше, и насколько это рационально.

Саша была тем голосом разума, которого я боялась.

– Прости, но о какой любви может идти речь? Четыре дня? Если он признался в любви, когда ты была там, то здесь что-то нечисто. Не обижайся, но такого не может быть.

– Я знаю, я сама отреагировала так же! Но теперь, после всех наших разговоров, я поняла, что мы действительно... Не знаю, мы как будто знаем друг друга сто лет.

– То есть, ты на него запала только сейчас, когда вы стали общаться на расстоянии? – Ксения зажала сигарету между зубов.

– Думаю, после отъезда я привязалась к нему больше, хотя, должно было быть наоборот. Я сказала ему, что люблю, перед отъездом, но только чтобы ему было не так тяжело. Ведь никто больше не говорил ему таких вещей. Девушки только приезжают и уезжают...

– Вот именно, думаю, парень хотел немножко другой «любви», – бросил Даниил, уходя за балконную дверь, – Ты идешь?

Отыскав зажигалку, они с Ксенией высунули руки в открытое окно. Саша молчала совсем недолго.

– Пойми, я рада за тебя... Но я не вижу в этом никакого будущего. Вы пообщаетесь еще месяц-два. А после тебе снова станет больно, так же, как и... сама знаешь с кем. Ты этого не достойна.

Она смотрела на меня яркими, обведенными глазами с четкими стрелками. На секунду показалось, что мы соперники на дуэли.

– Спасибо, Саш. Я сама понимаю, что все это безумие. Но я же пока ничего не делаю, верно? Ничего такого, что «погубило бы мою жизнь».

Усмехнувшись натянуто, я протянула гляцевую кружку с цветочками, и мы ударили стенки бокалов. В тот же момент раздался дверной звонок.

– Пойду, открою, – я встала, чтобы встретить Юру, и чтобы уйти от осуждения. В глубине души, я была рада, что он не присутствовал при моем рассказе, и мне хотелось слегка оттянуть момент расширения его круглых коричневых глаз. Я знала, что он, со своими слегка пуританскими принципами, осудит меня больше остальных. Но сделает это молча, что хуже всего.

Притормозив, я обратилась к Саше:

– Сможете пока ничего об этом не говорить? Мне сейчас неохота повторять всю историю.

- Конечно, как скажешь. Тем более, ему и правда будет нелегко услышать такие новости.
- В смысле?

Запивая свою последнюю реплику, она, махнула рукой, опережая способность произносить слова. «Иди уже!», – прочитала я в этом жесте.

– Привет! – он был торопливо красный, коротко стриженный, как всегда неуклюже переступал с ноги на ногу. Слегка сутулился. Эти черты делали его похожим на молодого медведя, – Как ты загорела!

– Да мы все, просто кто-то чуть сильнее, – я поспешила прислониться к нему в коротких объятиях. – У тебя руки стали еще больше. Все лето качался, что ли?

– Так, подрабатывал слегка... Вскопывал огороды соседям. А ты? Ну... как там? Греция, есть у них все? Нет? Кризис, да? Понятно.

При виде его лица я всегда с трудом сдерживала улыбку. Будто смешинка попадала мне в рот, когда он говорил, вставляя лишние, абсолютно ненужные слова, или заканчивая фразы, не дожидаясь ответа, «отшивая» себя самого.

Несмотря на внешнюю шероховатость, Юра был одним из тех друзей, чье уважение весом ложится на твои плечи. Каждый раз мне приходилось прыгать через поставленную им планку, выше и выше, чтобы не задеть ногой, и не потерять особое место в его миропредставлении. При этом, каждый раз задаваясь вопросом – «а больно надо?».

Он регулярно занимался спортом, на любительском, но обсессивном уровне. Он никогда не отзывался о девушках иначе, чем уважительно, и каждому человеку давал второй шанс. Он не пробовал сигарет, и его рацион был насыщен молочными продуктами. Он испытал действие алкоголя единожды в жизни, и с тех пор спрашивал, скорее настаивая на своем, «ты-то ведь не по этой части, так?», – но только тех, кто был ему не безразличен, и от этого становилось еще труднее держать кружку с пивом в его присутствии.

Ах да, он смотрел очень много фильмов из Голливуда. Так много, что, взглянув на ежедневную жизнь, Юра, казалось, перестал и пытаться разыскать тот стандарт среди знакомых ему девчонок, надеясь, что Она найдет его сама. Говоря вслух, конечно, что все это глупости, и он простой дурачок, которого никто не полюбит в принципе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.